

Ф. М. Достоевский

А. С. Грин

В. Н. Олин

Ф. К. Сологуб

Н. А. Бестужев

А. Е. Зарин

А. Н. Апухтин

ПРИЗРАКИ
ПЕТЕРБУРГА

Н. С. Лесков

МИО

МИФ Проза

Александр Грин

Призраки Петербурга

«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)5-44

Грин А. С.

Призраки Петербурга / А. С. Грин — «Манн, Иванов и Фербер (МИФ)», — (МИФ Проза)

ISBN 978-5-00-250893-8

В рассказах этого сборника герои, прогуливаясь по улице, запросто оказываются приглашены на бал к сатане, делят кров с домовыми и мертвецами, подслушивают разговоры покойников, становятся вместилищами мстительных духов и переживают конец света. И все это происходит в Петербурге – в городе, занимающем совершенно особенное место в русской литературе. «Редко где найдется столько мрачных, резких и странных влияний на душу человека», – писал Достоевский. Останутся ли герои прежними, столкнувшись с фантомами Петербурга? В книгу вошли рассказы: «Бобок» Ф. М. Достоевского, «Привидение в Инженерном замке» Н. С. Лескова, «Земля и вода» А. С. Грина, «Дама в узах» Ф. К. Сологуба, «Странный бал» В. Н. Олина и др.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)5-44

ISBN 978-5-00-250893-8

© Грин А. С.
© Манн, Иванов и Фербер (МИФ)

Содержание

В. Н. Олин. Странный бал. Из цикла «Рассказы на станции»	6
Н. А. Бестужев. Шлиссельбургская станция. Истинное происшествие	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

**А. Н. Апухтин, Н. А. Бестужев, А. С.
Грин, Ф. М. Достоевский, А. Е. Зарин,
Н. С. Лесков, В. Н. Олин, Ф. К. Сологуб
Призраки Петербурга**

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Печатается по изданиям:

Русская романтическая новелла. М.: Худож. лит., 1989. 384 с.

Бестужев Н. А. Избранная проза. М.: Сов. Россия, 1983. 336 с.

Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 21. Дневник писателя, 1873.

Статьи и заметки, 1873–1878. Л.: Наука. Ленинград. отд-е, 1980. 554 с.

Лесков Н. С. Собрание сочинений: в 11 т. Т. 7. М.: ГИХЛ, 1958. 572 с.

Апухтин А. Н. Сочинения: Стихотворения. Проза. М.: Худож. лит., 1985. 558 с.

Зарин А. Е. Дар сатаны. СПб.: Изд. П. П. Сойкина, 1904. 294 с.

Сологуб Ф. К. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6. Заклинательница змей: Роман. Рассказы.

Статьи. Эссе. Заметки. Воспоминания современников. М.: НПК «Интелвак», 2002. 608 с.

Грин А. С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. М.: Правда, 1965. 460 с.

© Оформление. ООО «МИФ», 2026

В. Н. Олин. Странный бал. Из цикла «Рассказы на станции»

В прошлом 182* году (я уже сказал, что так путешественник начал рассказ свой) – в прошлом 182* году, вечером, один отставной генерал, человек одинокий, сидел у себя дома. На дворе была глубокая осень, и время, помнится, приближалось уже к Михайловским заморозам¹. Скука мертвая, да и только! Сидя на своем турецком диване, на котором лежали в головах три постельных подушки, и раскладывая уже несколько раз и на все манеры гранд-пассианс, генерал бросил наконец карты, зевнул, потянулся, поправил на голове колпак и взял книгу. Новая скука! Пробежать несколько страниц не долго и не трудно, и не в этом дело; но читать, когда читать не хочется, но глядеть в книгу, беспрестанно зевая и когда рябится в глазах не потому, чтобы хотелось спать, но потому, что или книга скучна, или просто, как я уже сказал, читать не хочется, – какое ужасное положение для читающего! Не знаю, как вы, а я испытал это несколько раз и поэтому, признаюсь вам, я почти всегда с содроганием принимаю за всякую новую книгу.

Что делать? чем заняться? Гранд-пассианс уже наскучил, книга не читается, лежать не лежится. Генерал для рассеяния спросил трубку; но и тут опять горе! Выкурив перед этим уже несколько трубок, он почувствовал от этой последней тошноту; позвонил в колокольчик, спросил стакан холодной воды, чтобы освежить желудок, – пить не хочется! Беда, да и только! Одним словом, какое-то враждебное влияние, казалось, окружало его и над ним тяготело.

Прошедшись несколько раз взад и вперед по комнате, генерал снова позвонил в колокольчик.

– Иван! – сказал он вошедшему слуге, – выдь на двор и погляди, какова погода; да смотри, не ветрено ли? Все будет по крайней мере не так душно, как здесь, – продолжал он по уходе слуги и, снявши с головы колпак, повесил его на статульку Медицейской Венеры, стоявшей у него на подзеркальном столике.

Слуга возвратился с ответом.

– Ну, так дай же мне поскорее одеться, – сказал генерал, – я хочу немного освежить себя воздухом. Мертвая скука!

Казалось, что какая-то таинственная сила невольно увлекала генерала на улицу.

Накинув на себя шинель и нахлобучив фуражку, генерал взял трость и пошел прогуляться. На дворе было уже часов около десяти.

Взявши дорогу, без цели и без намерения, по набережной Фонтанки и сделав несколько шагов, он стал дышать свободнее, освеженный воздухом. Ночь была тихая, но темная: порою выплывал из-за туч месяц, сребря фантастические края их или рассыпая перламутровый блеск по дымчатому их руно, и снова застился тучами. Генерал шел, шел, шел, все прямо по набережной, и наконец поворотив на Чернышев мост, к переулку, ведущему к Гостиному двору, пошел другою стороною Фонтанки, пробираясь уже домой. Время приближалось к двенадцати часам, стук экипажей уже изредка прерывал безмолвие ночи; свету в окнах большей части домов уже не было, пешеходы начали встречаться реже и реже, многие из фонарей уже дого-

---

¹ 21 ноября – Михайлов день. Здесь и далее, за исключением переводов и если не указано иное, прим. ред.

рали, и самые даже наши гостеприимные Фрины² (прибавил, улыбнувшись, путешественник) молились уже дома перед лампадкою.

Ночь в столице поучительна для наблюдателя.

Вдруг, неожиданно, попадает генералу навстречу знакомец его, Вельский, молодой образованный человек. Он был закутан в широкий гишпанский плащ; на голове у него надета была шляпа также с широкими полями, подобная тем, какие носят в Англии квакеры³, или, лучше сказать, она скорее походила бы на погребальную, если бы только тулья ее имела форму полусферическую, а не просто обыкновенную.

– Куда, любезнейший? – спросил генерал Вельского, подавая ему руку и остановившись с ним под фонарем на тротуаре набережной.

– В гости, – отвечал Вельский. – А вы, генерал, куда и откуда? Верно, из гостей, или театра, или также в гости?

– Нет, – отвечал генерал, – просто прохаживался и возвращаюсь теперь домой.

– Но эти часы, – возразил, улыбнувшись, Вельский, – кажется, не пора для прогулки без цели. Верно, какое-нибудь пленительное rendez-vous⁴, генерал... Впрочем, быть может, и весьма благоразумное... русский локон – прелестная, стройная ножка, как у подруги первого человека... или голубые глазки, озаренные каким-нибудь из блистающих теперь созвездий... Ха-ха-ха! Это, право, поэзия!.. Да и какая ж еще? Романтическая, генерал!

– Ах ты, повеса! Вечно шуточки да шуточки!.. Совсем нет, любезнейший! ты ошибаешься: какая-то мертвая скука – хандра не хандра...

– Верно, сплин? – прервал Вельский.

– Не знаю.

– Далее, генерал?

– Выгнала меня из дому. Вот я и пошел прогуляться; и теперь, освежившись воздухом, чувствую, что мне стало гораздо лучше, однако ж еще не совсем.

– Долго ли вы гуляли?

– Да так, часов около двух.

– И вы не устали?

– Нимало.

– Прекрасно! И вы не хотите спать?

– Нисколько.

– Прекрасно. И вы говорите, что вам все еще скучно?

– Да.

– Прекрасно!

– Что за гиль ты городишь, любезнейший? Я, право, не понимаю, что ты хочешь этим сказать.

– Видите ли вы этот дом? – спросил Вельский и, вынув из-под плаща левую руку, на которой надета была белая лайковая перчатка – обыкновенная бальная принадлежность молодого человека, указывал на одно здание с прекрасным подъездом, у которого горели два кулибинских фонаря, или кенкета, отражая свет на мостовую. – Вот этот самый, – продолжал он, – который изнутри освещен так великолепно и мило?..

Генерал обернулся и в нескольких от себя шагах, в стороне, увидел в самом деле прекрасно освещенный дом, мимо которого, в своей задумчивости, прошел он без всякого внимания. У подъезда стояло несколько экипажей; в окнах третьего этажа горело множество свеч, и, если бы кто-нибудь в это время, с противоположной стороны набережной, взглянул на это

---

² *Фрина* (ок. 390 до н. э. – ок. 330 до н. э.) – афинская гетера и натурщица.

³ Представители радикального протестантского движения.

⁴ Свидание (*фр.*).

здание – глазам его представилась бы картина прелестная: дом, опрокинутый в воду, отражался в зеркальных зыбях ее с своим освещением, со всеми своими формами и даже с самым цветом стен своих: поэтому-то осенью блистательные иллюминации в Петербурге весьма живописны по набережным; иногда, по временам, раздавалась музыка, сквозь цельные стекла, с разноцветными гардинами, видны были горящие лампы, люстры и канделябры, картины в золотых рамах, бронза, вазы с цветами и проч.; в окнах мелькали иногда, как бы китайские тени⁵, человеческие фигуры, – и вот прекрасный случай сказать с поэтом:

Перед померкшими домами
Вдоль сонной улицы рядами
Двойные фонари карет
Веселый изливают свет.
.....
.....
По цельным окнам тени ходят,
Мелькают профили голов
И дам и модных чудаков...⁶
и проч., и проч., и проч.

– Прекрасно, прекрасно, генерал! – повторил Вельский, ударив дважды, как бы в утверждение истины слов своих, рукою в руку.

В это самое время снова раздался из дому звук бальной музыки.

– Но что же есть общего, – спросил генерал, – между этой вечеринкой и мною?

– Очень много, – отвечал Вельский, – более, чем между поэзией и музыкой, между желанием и эгоизмом, между идеалом и его отблеском, великим умом и безумием, деньгами и всем на свете, – несравненно более, наконец, чем между Гомером и экзаметром.

– Все это для меня тарабарская грамота, любезнейший! – отвечал генерал, – ровнехонько ничего не понимаю!

– В таком случае я объяснюсь понятнее, – сказал молодой человек, улыбнувшись; но в улыбке его было что-то необыкновенное, странное: одним словом, какое-то фантазмагорическое слияние горькой и грешной насмешки с обыкновенною игрою мускулов. – Вот в чем дело, – продолжал он, – я приглашен на этот бал, или, лучше сказать, на эту дружескую маскарадную вечеринку; хозяин мне хороший приятель; одним словом – все семейство премилое; вам скучно, генерал, – и вот прекрасный случай рассеяться; пойдете вместе на вечеринку: хозяин и хозяйка вам будут от души рады. Вы найдете там лучшее общество... даже, как я слышал, будут читать стихи... поэзия, разумеется, домашняя; но когда же дружба бывает слишком взыскательна? Музыка, танцы...

– Но я не танцую, любезнейший! – сказал генерал.

– Бостон, вист...

– Я не играю в карты.

– Молодые девицы с их полувоздушными талиями, которые легко бы могли поколебать добродетель и самого старшего анахорета и которых наши новейшие трубадуры, с их феодальными мандорами⁷, верно уподобили бы очаровательным феям, танцующим при луне и чуть-чуть приклоняющим мураву легкими и стройными их ножками; одушевленная кинетозогра-

---

⁵ Вероятно, имеется в виду театр теней.

⁶ Цитата из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина.

⁷ Мандора – разновидность лютни.

фия⁸, излияние сердца, остроты, шутки, игры, живые картины, дипломатика, – одним словом, есть тысяча средств приятно рассеяться на вечеринке, и особенно на такой, какова эта.

– Но я не знаком с хозяином, любезнейший!

– Зато я короткий приятель в доме, – отвечал молодой человек, – член одного семейства; и, как я уже сказал вам, хозяин и хозяйка – люди прекраснейшие – будут более чем рады, генерал, если вы их обяжете вашим посещением.

– Благодарю за честь, любезнейший! – отвечал генерал, – однако ж я лучше ворочусь домой и читаю Библию: я остановился, кажется, на одиннадцатой главе Книги Бытия, и еще в первый раз в моей жизни. Ах! почтеннейший, рано или поздно, а все-таки надобно приняться за Библию.

Вельский захохотал почти во все горло...

– А который вам год, генерал?

– Да вот уж, брат, с прошлых заморозов стукнуло за половину пятого десятка.

– «Аще в силах – и восемьдесят» – сказано в этой же самой книге, – продолжал Вельский с насмешливою улыбкой. – Рано же вы, генерал, хотите отретироваться из-под знамен наслаждений жизни... Но не об этом дело; я знаю, что искушать пустытника есть только напрасный труд; впрочем, как бы то ни было, я неотступно зову вас на вечеринку. Вы встретите там несколько таких предметов, которые, ей-ей, будут в силах вскипятить в вас стынушую от удивления кровь; и клянусь вам – всем, чем вы хотите, – что светленькие и черные глазки той красивой головки, которую вы там увидите, могут не хуже гальванизма привести в движение все нервы даже у самого мертвеца и – говорю по совести – должны решительно вскружить и вашу голову.

– Соблазнитель!.. – воскликнул генерал, улыбнувшись в свою очередь. – Перестань, греховодник! – продолжал он, – хоть ты и резов на слово, но как бы то ни было, любезнейший, а я все-таки пойду домой, дочитаю одиннадцатую главу Книги Бытия и потом, ограждая крестным знаменем, лягу спать – и верно засну, с Божиею помощью.

К великому удивлению генерала, разговаривавшего, как мы уже сказали, под фонарем с Вельским, он заметил, что этот последний сделал ему какую-то ужасную гримасу и что какой-то туман начал его скрывать от глаз его, сквозь который едва приметное одно только лицо Вельского светило как пламень пожара при застилающем его дыме. Генерал протер себе глаза, чихнул несколько раз, почувствовав под носом серный запах, и, между тем как мысленно приписывал он причину этой странности преследовавшей его скуке, Вельский снова представился глазам его в обыкновенном своем виде.

– Ахти, Господи Христе Иисусе! – воскликнула изумленная Матрена Прохоровна, перекрестившись невольно. – Ну, отец мой Сергей Сергеевич, что-то будет далее?

– Да, любопытно знать, – прибавил Савва Трофимович, – что окажется далее?

– Я не буду без нужды, – продолжал путешественник, – входить в подробности разговора Вельского с генералом. Скажу только, что неотразимое красноречие Вельского наконец возторжествовало и он убедил генерала пойти с ним на вечеринку.

Дорога была не долга: стоило только с тротуара набережной сделать несколько шагов через улицу.

Красивая и освещенная лестница, на последней площадке которой стоял гипсовый рога-тый сатир колоссальной формы, вела в третий этаж того дома, куда пришли генерал с Вельским. Войдя в переднюю, генерал с трудом перевел дух, почувствовав в груди сильную одышку.

Лакеи встали, и один из них, в галунах и красной ливрее, снял шинель с генерала и плащ с Вельского.

---

⁸ Механический театр, прообраз кинематографа.

Генерал и Вельский вошли в залу, где мужчины на нескольких столах играли в карты – статские, военные, придворные. Восковые свечи на ломберных столах горели в серебряных шандалах и, отражаясь в хрустале зеркал, украшавших простенки, представляли какую-то мечтательную галерею других фантастических гостей, со всеми их телодвижениями, или, лучше сказать, одушевленную космораму⁹ существ оптических или идеальных. Вельский представил генерала хозяину, вошедшему в эту самую минуту из гостиной в залу, человеку уже более чем средних лет, почтенной наружности, с звездой на груди и с знаком отличия беспорочной службы на ленточке храбрых. При сих словах Савва Трофимович, с видом самодовольства, посмотрел на третью петлю левой полы своего фрака, где на владимирской ленточке рисовался золотой дубовый венок с четырьмя десятилетиями посередине.

– Я должен сказать вам, – продолжал путешественник, – что почтенный хозяин жаловался, однако ж, что его обочли годами по формуляру.

– Конечно, еще по новости и при самом начале, – сказал Савва Трофимович, чистя обшлагом свой знак отличия беспорочной службы.

– Без сомнения, – отвечал путешественник и продолжал далее. – После обыкновенных с обеих сторон учтивостей, извинений насчет туалета, нисколько не соответствовавшего бальной вечеринке, и благодарности за честь посещения хозяин ввел генерала в гостиную, где сидело несколько разряженных женщин по последней парижской моде, и представил жене своей, молодой и прекрасной даме, одушевлявшей беседу своею любезностию.

– И верно говорил по-французски? – сказала Пелагея Саввишна.

– Какой вопрос, мой ангел! – прервала старшая ее сестрица. – Разумеется, по-французски, потому что в хороших обществах не говорят по-русски, да это и не в тоне. Не правда ли, Сергей Сергеевич, что верно ведь говорили по-французски?

– Без всякого сомнения, – отвечал путешественник, – вечеринка была одною из лучших и самая блистательная.

– Ах, вы мои зяблицы!.. – воскликнула Матрена Прохорова. – Ну, отец мой Сергей Сергеевич, хозяин с генералом вошли в гостиную...

– Да, – продолжал путешественник. – Тысячию любезных учтивостей прелестная наша хозяйка явила признательность свою генералу за то неожиданное удовольствие, которое доставлял он им своим знакомством. В самых блистательных цветах французских фраз благодарила она гостя, который, худо понимая по-французски или, лучше сказать, вовсе не понимая и, следовательно, всегда охотнее объясняясь на языке отечественном, должен был, к сожалению, отвечать по-русски и складывал всю вину на Вельского...

– *Quelle horreur!*¹⁰ – прошептала вполголоса Степанида Саввишна.

– Напротив, генерал, – отвечала хозяйка (продолжал путешественник), – Вельскому-то именно я и должна быть благодарна, – и бросила такую улыбку на молодого человека, от которой запрыгало бы и оледенелое сердце анахорета. – Наконец, генерал, – сказала она, – прошу вас быть без церемоний, как дома: никогда не бывали вы на такой дружеской и единомушной вечеринке.

– Как нравится вам хозяйка, генерал? – спросил Вельский.

– Она очаровательна; что за глаза, какие розы в щеках, зубы как жемчуг; а улыбка, любезнейший!..

– О! да это поэзия, генерал!

– Поневоле будет поэзия, любезнейший, как поцелуешь такую нежную и пухленькую ручку...

---

⁹ *Косморам* – картина, изображающая обширное пространство земли и предметы на ней так, что создается иллюзия живой природы.

¹⁰ Какой ужас! (*фр.*)

– Завидую вашей участи, – отвечал Вельский с насмешливой улыбкой, которой, однако ж, собеседник его не заметил. И в самом деле, генерал стал веселее и разговорчивее. – О! то ли еще вы увидите!.. – сказал Вельский. – Но слышите ли вы пленительные звуки мазурки? Пойдемте взглянуть на маски, на танцы и посмотрим на воздушных прелестниц.

– Соблазнитель!.. – прошептал генерал, погрозив ему пальцем.

Они вошли в залу.

Зала была блистательна и великолепна. Тысячи восковых свеч отражали блеск свой в кристалле зеркал и на паркете. Портреты в золотых рамах, все в рост, были так живы, что, как говорит один из великих наших поэтов, хотели, казалось, сойти со стен и принять участие в общем веселье; мраморные статуи ожидали только благоприятной минуты, чтобы спрыгнуть со своих пьедесталов. Одним словом, это был храм очарований. Прибавьте ко всему этому пестроту и ослепительный блеск костюмов, ароматы с кудрей красавиц и платков молодых франтов, музыку, живые гирлянды и букеты танцующих – и вам не трудно будет дорисовать картину.

– Клянусь блистательным усом пророка! – воскликнул Вельский, – если бы я был великим султаном, в гаремах моих было бы столько одалиск, сколько роз в садах моих; но все эти девицы и дамы были бы лучшим цветом моих гинекеев¹¹: все они так прелестны!

Генерал, щурясь, пристально всех их рассматривал.

И в самом деле, вечеринка была блистательная!

Некоторые из дам и кавалеров были в костюмах и масках, другие без масок.

– Посмотрите, как ласково этот голубой атласный корсет обнимает полувоздушную талию этой молодой андалузянки, с блестящими, как жемчуг, зубами; кажется, он весь прилип к ней, нет ни одной складки, ни одной негладкости: белая, пышная кисейная юбка, опущенная немного ниже колен, свободно и без ревности дает видеть ненасытным глазам стройную и прелестно округленную ножку, которую с жадностью обхватывает черный бархатный башмачок, почти весь открытый и с маленькою золотою пряжкой: не слышно, как она ступает; при каждом полете ее голубая атласная подвязка блестит и мелькает, заставляя сердце упоенного любовника трепетать учащенным биением... О Урсула блаженная! разве не видите вы, как страстно он прижал ее к пламенеющей груди своей, прежде чем выпустить ее из своих объятий и передать другому кавалеру... между ними один только воздух. Но не грусти, молодой человек, ты ненадолго с нею расстался!.. К каштановым волосам ее приколоты роза. Как пленительна и эта белокурая девушка в малиновом сарафане; как пристала к голубым глазам ее эта серебряная глазетовая повязка; белые руки ее обнажены по локоть, как милы эти красные сафьянные чеботцы; в косу ее вплетена алая лента. Святые угодники! какой пышный бант в этой русой красе девичьей!.. А ты, таинственная незнакомка, – кто ты, очаровательница? Какой пленительной белизны, какой сладострастной округлости твои обнаженные руки; как обольстителен этот золотой браслет на этом снегоподобном мраморе с голубыми жилками; мягкие и как шелк блестящие кудри твои, чародейка, рассыпанные по твоим плечам алебастровым, чернее потухшего угля; все формы ее прелесть и воздух; все движения – жизнь и гармония; нет слов в звуках языка человеческого, нет красок на палитре Рафаэлевой, чтобы изобразить эту волшебницу: если бы я был Праксителем или Кановою¹², клянусь вам знаменитым прахом всех катакомб римских, я бы пошел на пытку и плаху, чтобы мне изваять только с нее статую!.. Силы небесные! свейте эту ревнивую маску с лица прелестницы!..

---

¹¹ *Гинекей* – женские покои в древнегреческом доме.

¹² *Пракситель* – древнегреческий скульптор IV века до нашей эры; *Антонио Канова* (1757–1822) – итальянский скульптор-классицист.

Какая блистательная смесь кадрилей и одеяний!.. Как мила эта пышная роза на груди этой молодой итальянской садовницы; и как печален этот прелестный букет в руках этой старой ведьмы!..

А этот господин в красном французском кафтане с стразовыми пуговицами, из-под фалда которого, сзади, виден закорюченный хвостик; в напудренном парике с пуклями, который прорезывают два небольших и блестящих, как отполированный агат, загнутых рога; с дворянской шпагой восемнадцатого столетия и с собачьей мордой?.. Клянусь вам, если бы это не была только маскарадная вечеринка, его бы можно было назвать самим Сатаной!..

Взгляните на эту молодую савоярскую крестьянку, роскошную, как весна в своем цвете: она ласково сидит на коленях у своего мужа; левую руку свою, обвив ее около шеи своего друга, она положила ему на голову, подняв вверх два пальчика, прелестные, стройные, с блестящими и розовыми ногтями, обведенными по краям опалом или перламутром – большой и указательный: другую нежно держит она его за подбородок, приподняв ему немного голову, и говорит: «Посмотрите, как он любезен!» Картина и группа прелестная!..

И генерал не знал, на которой из очаровательниц остановить ему глаза свои. Он чувствовал, что ему легче, веселее, игривее; что он смотрит на предметы, как они представлялись ему лет за пятнадцать, то есть ярче, живее, цветистее; что кровь течет резвее по жилам его: столько-то справедливо, что есть звуки, формы и фантазматы, которые имеют силу магическую, и что сердце никогда совершенно не стареет!

И вся станционная компания – и сам даже офицер внутренней стражи (за исключением доктора Генкера, который, с закрытыми уже глазами и в степенной неподвижности, опустил бесконечный и перпендикулярный нос свой в недопитый им еще стакан пунша), – и вся станционная компания, повторяю, была внимание и нетерпение.

Я не буду описывать вам, – продолжал путешественник, нимало не заботясь о том, чтобы скорее удовлетворить любопытству своих слушателей, – я не буду описывать вам костюмов, кадрилей и масок; это бы значило употреблять во зло ваше терпение; скажу одним словом, что все они более или менее отличались вкусом и выбором; но были, однако ж, и маски странные, фантастические: например, тут ходила лошадиная нога, там ветряная мельница, размахивая своими крыльями; здесь летал безобразный нетопырь, там выступал скелет отвратительный: от всепожирающего разрушения уцелели одни только глаза, страшно вращавшиеся в их костяных орбитах; тут поражал зрение могильный вампир с окровавленной пастью, в истлевшем саване и с такими же волосами, готовыми разлететься пеплом при первом на них дуновении; там, вроде гнома, катилось что-то похожее на колесо без обода, и в ступицах коего, по обеим сторонам, пылали два страшные глаза, а вместо спиц торчали уродливые и тинистые руки; одним словом, противоположность была блистательная: жизнь, цветы и прелесть сливались с безобразием и гнусностью и, обратно, безобразие и гнусность были смешаны с жизнью, цветами и очарованием. И в самом деле, то была прелестная маскарадная вечеринка!

– А! – сказал Вельский, – вот к нам подходит та красивая головка с светленькими и черными глазками, о которой я говорил вам. Не правда ли, генерал, что она мила, очаровательна? Нет, кажется, ничего необыкновенного – а вся прелесть! Глаза как бриллианты!

Музыка заиграла польский. Она с любезностию пригласила генерала на танец; и мог ли он отказать ей? Генерал вспомнил свои юные годы, шаркал, подавал руки с грациозностию и не забыл даже ни одной фигуры в своем полонезе. О! как оживляют сердце красота и молодость! Наконец все хлопнули в ладоши, и из степенных, медленных тонов оркестр слился в живые и быстрые звуки вальса; и все закружились – и все кружились, кружились, кружились. Генералу казалось, что вихрь уносит его, что под ногами его исчез пол, – он смотрит на свою даму... Творец небесный! У нее, как флюгер, вертится головка на плечах – и какая головка! Она хохочет, мчит, увлекает его, не выпускает из своих объятий, кружит, как водоворот; он едва дышит, он готов уже упасть... но музыка стихла, и генерал в ту же минуту, как будто бы не

вальсировал, как будто бы вовсе не чувствовал усталости. Однако ж он отер пот, катившийся с него градом.

Подали чай, прохладительный; Вельский не оставлял почти ни на минуту генерала, который, несмотря на то что никогда не был охотником до наблюдений, не мог, однако ж, не сделать ему одного замечания: «Я согласен, – сказал он, – что все эти девицы и дамы очень милы; но отчего, любезнейший, у некоторых из них козлиные ножки, у других копытцы, у третьих гусиные лапы?»

– Это шалость молодости, игра воображения – одним словом, маскарадная утонченность, – отвечал Вельский.

– Проказницы! – сказал генерал, – ведь умели же ухитриться!

– Да и как! – прервал Вельский, указывая на некоторых из костюмированных мужчин, – вздумали, как вы видите, приставить рожки мужьям своим.

– Ну, это еще куда бы ни шло, – отвечал генерал, – копытцы-то, любезнейший, копытцы – даже и у этой красивой головки с бриллиантовыми глазками, – хоть правду сказать, уж чересчур вертлявой.

Вельский, при всем желании своем, не мог удержаться от смеха.

Звук оркестра снова прервал разговор их. Хозяйка подала генералу руку, и он опять не мог отказаться, чтобы не принять участия в танцах. Французская кадрили развилась во всей своей прелести; когда же она обратилась наконец в вакхический тампет¹³, то все зашумело, захопало, запрыгало: оркестр гремит, шпоры бренчат, стук, хлопотня, топот – настоящая буря! Генерал прыгает, хлопает в ладоши, скачет как сумасшедший; из окон, с улицы, кивают ему какие-то безобразные рожи; в глазах его все летит, все мчится... Глядь на стены: рамы пусты; смотрит: на пьедесталах нет статуй. Иаков II прыгает с Анною Бретанскою, Генрих IV скачет с прабабушкою хозяйки, Людовик XIV поймал Семирамиду, Аполлон Бельведерский пляшет вприсядку с царицею Савскою, фельдмаршал Миних ударил трепака с Венерою Медицейскою; стены трясутся, стекла звенят, свечи чуть-чуть не гаснут, пол ходит ходнем... кутерьма да только – точь-в-точь дьявольский шабаш!.. Но оркестр снова замолк – и все пришло опять в прежний порядок.

Надобно было, признаюсь вам, всего влияния Вельского на ум генерала, чтобы успокоить его мысли. В молодости своей он бывал на балах и в маскарадах; но никогда еще не видал, чтобы оживали мертвые, чтобы плясали картины и статуи. Но красноречие Вельского изгладило из мыслей генерала всякое сомнение. Столько-то справедливо, что дар слова не вовсе же бесполезен.

Вы согласитесь, – продолжал путешественник, – что танцы могут иногда наскучить и что разнообразие составляет прелесть жизни. Французская кадрили и вальс были заменены игрой в фанты. О! как прелестна эта игра в фанты! Молодая девушка, которая с открытыми глазами никогда бы не осмелилась прикоснуться к вам пальчиком, с повязкою на глазах, напротив, садится беспечно к вам на колени; поцелуи позволены; одним словом, это поэзия романтическая. Не отказавшись уже от танцев, от тампета вакхического, этого дифирамба Терпсихоры¹⁴, мог ли генерал не принять участия и в самой игре в фанты? Труден обыкновенно только первый шаг. Наконец, когда в свою очередь вынулся фант генерала, хозяйка, королева игры, предложила ему спрыгнуть с *комода*. Дело, кажется, было не трудное: стоило только стать на стул, потом на комод – и сделать прыжок; но у генерала, как говорится, замирало сердце от страха. Три раза он уже готов был спрыгнуть, стоя на *комодe*, как бы какой-нибудь народный оратор на пивной бочке, – и снова три раза не мог он решиться. Все шутили, смеялись, никто не хотел верить, что он бывал в сражениях, что на приступах ему случалось обрываться с пара-

---

¹³ Старинный французский танец.

¹⁴ *Терпсихора* – древнегреческая муза танца.

петов. «Ну! благослови Господи!» – сказал наконец генерал – и перекрестился... Свечи, гости, зеркала, люстры, картины, статуи – все вдруг исчезло, и генерал очутился, один-одинехонек, ночью... где бы вы думали? На лесах в четвертом этаже.

– С нами крестная сила! – воскликнула Матрена Прохоровна, – с нами крестная сила!.. Ну что, если бы он спрыгнул, мой родимой, с четвертого-то этажа на мостовую?..

– Тогда бы он непременно убится до смерти, – отвечал полицмейстер, – и тело его на первый случай было бы взято в полицию.

– Дело важное, криминальное! – воскликнул Савва Трофимович.

– Позвольте заметить вам, – возразил офицер внутренней стражи, обращаясь к Сергею Сергеевичу и думая поймать его в злоупотреблении, – вы, кажется, сказали, что вечеринка была в третьем этаже.

– Э! помилуйте, – отвечал путешественник, – что значит для Сатаны подняться на этаж выше? – И офицер замолчал, убежденный неотразимым доказательством путешественника.

– И эта история действительно достоверная? – спросил Савва Трофимович.

– Не подверженная ни малейшему сомнению, – отвечал путешественник, – я слышал ее от самого генерала, который только что оправился от *белой горячки*.

Н. А. Бестужев. Шлиссельбургская станция. Истинное происшествие

Посвящено А. Г. Муравьевой

Одна голова не бедна,

А и бедна – так одна.

Старинная пословица

Несколько лет тому назад мне надобно было съездить из Петербурга, по делам матери моей, в Новую Ладугу. Когда я совсем собрался, она позвала меня в свою комнату, повторила все наставления, слышанные мною уже несколько раз, и потом прибавила: «по окончании дел в Ладого, как я тебе сказала, ты должен заехать к нашим соседям Н. и С. ...Я хочу того: во-первых, потому, что дома наши связаны старинной дружбою, во-вторых, что у обоих милые дочери и достойные невесты. Может быть, судьба укажет тебе на которую-нибудь из них, и ты составишь себе такую партию, какую бы я хотела для тебя. Ты знаешь всегдашнее мое желание – видеть тебя женатым: я возрастила и воспитала тебя в надежде нянчить моих внучат. Ты старший в семействе, тебе уже тридцать два года, и до сих пор, по какому-то непонятному для меня упрямству, ты не слушаешь моих советов, не устроишь своей судьбы, не осчастливишь меня исполнением любимой моей мечты – видеть в тебе продолжение нашей фамилии. Берегись холостой старости; я не уважаю старых холостяков!» Мать моя плакала, говоря эти слова; я отвечал общими фразами, что час мой не настал, что я еще не встречал той, которую бы избрало мое сердце, обещал внимательно рассмотреть предлагаемых ею невест, и мы вышли в зал, куда собралось все наше семейство.

Почтовая тройка стояла у ворот; чемодан был вынесен; я стал прощаться и думал, поцеловавшись со всеми, сесть на тележку и ехать, но должно было заплатить дань старине. Меня посадили, мать и сестры сели, мальчик, ехавший со мною, был также посажен, даже горничная, вбежавшая сказать, что извозчик торопит, подпала той же участи: «садись», – сказала ей повелительно матушка; девушка осмотрелась кругом, взглянула на матушку, как будто желая выразить, что ей совестно сидеть с господами, но при новом приказании села на пол, удовлетворяя в одно и то же время и господскому приказу и рабской разборчивости. Несколько минут продолжалось благочестивое молчание, потом все встали и, оборотясь в передний угол, помолились висевшему там распятию. Матушка благословила меня, шепнув, чтоб я не забыл ее советов, простилась, дала поцеловать руку моему мальчику, и я, обняв сестер, спрыгнул с лестницы, вскочил на тележку и исчез, посылая поцелуи рукою в ответ белым платкам сестер, махавшим из окошек.

Итак, меня посылают выбирать невесту! Матушка серьезно хочет меня женить; но об этом надобно подумать да подумать поскорее; в самом деле, в мои лета не надо долго размышлять, а в дороге об чем же и думать?

Но если б спросили меня, что я думал дорогою? – я бы отвечал: ничего! На почтовой тележке не так-то ловко размышлять: того и смотри, чтоб не вылететь из повозки. Осен-

няя погода покрывала меня, дождь и ветер крепче закутывали в шинель, и я чаще повторял ямщику: «пошел».

За мной остались Пелла и Славянка; я уже подъезжал к Шлиссельбургу, но как человек, служивший на море и редко имевший случай ездить сухим путем, особенно в русском почтовом экипаже, очень чувствовал разницу между сухопутным и водяным сообщением, хотя в настоящем случае я имел бы право сказать, что еду по морю грязи, сопутствуемый прыжками, толчками и ухабами. Налево изредка только открывалась сердитая Нева, катившая быстро свои волны, или какая-нибудь дача, заставлявшая меня высовывать нос из шинели. Мне хотелось полюбоваться каким-нибудь видом, но дождь закрывал все отдаленные предметы, а ранняя осень обезобразила все картины, обнажив почти деревья; желтые листья, сорванные ветром, неслись с дождем, перегоняя мою повозку. Наконец, избитый и мокрый, не отдохнув взором ни на одном предмете, я увидел Шлиссельбург! Мы въехали в город, и, странное дело! первый предмет, привлечший мое внимание, был аист, свивший гнездо свое на трубе почтового дома. Он стоял и важно поглядывал кругом, как будто обозревая небосклон и замечая, с которой стороны очистится небо, чтобы судить о будущей погоде, может быть, для задуманного им путешествия. Я в первый раз увидел эту птицу в наших северных странах и спросил у извозчика: водятся ли эти птицы здесь? «Нет, барин, прежде не видать было, – отвечал он, – а эта уже четвертый год, каждую весну здесь выводит детенышей и улетает осенью на теплые воды. Дивлюсь, что она еще здесь, ей давно пора лететь».

– Она умнее меня и не хотела пускаться в дальний путь в такую скверную погоду, – сказал я, слезая у почтового дому с повозки и стряхивая шинель, с которой текла вода ручьями!

Станционный смотритель равнодушно объявил, что лошади все в разгоне, и как я ни представлял обыкновенных крайностей путешествующих, он отвечал обыкновенными резонами почтовых смотрителей, обещая лошадей не ранее как через час. И действительно, несмотря на мое нетерпение, ровно час прошел, пока возвратились лошади. Я стоял у окна и смотрел, как их перепрягали в мою повозку. Дождь не переставал; крупные капли стучали в окна и лились ручьями по стеклам. Бедные животные, уже пробежавшие свой урок, должны были вновь заучивать его со мною; пар подымался столбом с их осунувшихся боков, которые раздувались, как мехи, от усталости; они стояли, опустя головы, и потряхивали ушами, когда дождевые капли туда попадали. Колокольчик на дуге издавал унылые звуки; не менее того он производил на меня приятное впечатление, предвещая, что я скоро сяду и покачусь после скучного ожидания. Но человек предполагает, а Бог располагает: послышался другой колокольчик, и вскоре карета, запряженная в шесть лошадей, а за нею повозка прискакали к станции. Минута ранее – и я бы уехал; теперь это было невозможно, потому что проезжий был сенатор Баранов, ездивший в некоторые губернии помогать жителям, умиравшим с голоду от неурожая, – и следственно мои и еще какие-то лошади были запряжены в карету его превосходительства, а я снова остался горевать в ожидании.